

П. В. Засодимский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи / Под ред. Я. Г. Гуревича.

Третий год издания. Том 2. Книги VII-XII за 1892 год. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1892.

I.

Мой добрый знакомый, Ф. Н. Л., сообщил мне, что одна барыня подумывает завести школу в своем имении, подыскивает подходящего учителя, — и спросил меня: не возьмусь-ли я за устройство школы?

Дело происходило в начале 70-х годов.

Хотя я в то время уже выбрал себе путь в жизни и в течение шести лет довольно прилежно уже работал на литературном поле, но тем не менее — в принципе — я был согласен сделаться сельским учителем. Самое дело учительства манило меня к себе, да и, кроме того, жизнь в деревне, среди народа, была всегда для меня привлекательна. Но смущал меня чисто практический вопрос: в состоянии-ли я буду хорошо устроить школу? Смогу-ли я без предварительной, основательной подготовки сделаться порядочным, толковым учителем? Положим, во дни студенчества я жила «на кондициях», давал уроки в помещичьих семьях. Но готовить двух-трех детей к поступлению в гимназию, или устроить и вести школу с полусотней крестьянских мальчиков и девочек — два дела совершенно различные.

Дело, повторяю, мне было по сердцу, но мне казалось страшно взяться за него, ибо я на не-

го смотрел, какъ на дело весьма серьезное и ответственное, каково оно и есть в действительности. Я сознавал всю свою неподготовленность, и сознание мое высказалось вслух в виде полувопроса, полувосклицания:

— Съумею-ли?!.

— Конечно, съумеете!.. Добудьте книг, проштудируйте их хорошенько... — ободрял меня приятель. — Барыня будет очень довольна, и вы наверное сойдетесь с ней...

Конечно, я знал, что можно купить книжек и проштудировать их; все это — такъ... но в то-же время я знал, что настоящих педагогических приемов, педагогического умения, навыка — не вычитаешь ни из каких книг. В этом случае необходима практика: нужно видеть, какъ на деле применяется тот или другой педагогический прием, и затем надо время, чтобы самому приспособиться к делу. Последствием колебаний вышло то, что я не решился сказать моему приятелю ни «да», ни «нет».

На другой день ко мне пришла сама «барыня» — или, вернее, барышня — С. А. Л.

Тутъ вопросъ для меня еще пуще осложнился...

По словамъ г-жи Л., оказывалось, что въ ихъ местности, неподалеку отъ имения ея отца, уже въ теченіе несколькихъ лѣтъ существуетъ школа, но крайне плохая: въ две, въ три зимы ребята въ этой школѣ едва могутъ научиться кое-какъ, съ грехомъ пополамъ, читать и писать, да и те скудные знанія скоро утрачиваются, — и случаи рецидивизма безграмотности — самое обыкновенное явленіе.

Все эти жалости достойныя обстоятельства съ каждымъ годомъ все более и более дискредитировали во мнѣніи крестьянъ школу, ея значеніе, да и вообще значеніе науки, «ученья». Наставниками въ этой школѣ являлись родственники местнаго священника, но эти наставники смотрели на учительство, лишь какъ на Brodarbeit — до полученія болѣе доходнаго места, какъ на временное занятіе, дающее средства къ жизни: школа была для нихъ лишь станціей на пути къ дьяконству или священству. Относились они къ делу безъ любви, холодно и нехотя, спуская рукава, словно отбывая какую-нибудь немилую повинность. Въ ряду учебныхъ пособій розги, какъ водится, занимали главное место. Наказаніе производилось, какъ говорили, тутъ-же въ классѣ, на глазахъ у всехъ (школа, кажется, была только для мальчиковъ). Крестьяне, можетъ быть, и не оценивали по достоинству весь цинизмъ подобныхъ наказаній, но было очевидно, что они все-таки оставались недовольны такимъ отношеніемъ къ ихъ детямъ. Крестьяне видели, что ребята напрасно целыя зимы ходятъ въ школу, «только напрасно одежду да обувь рвутъ», что въ школѣ ихъ походя стегаютъ зря, — и деревенскіе люди,

понятно, стали смотреть на школу, какъ на пустое баловство и неохотно пускали ребятъ въ «науку». Школа сама, стараніями учителей, подрывала къ себѣ доверіе въ средѣ сельскаго населенія.

Обо всемъ этомъ подробно, обстоятельно рассказала мнѣ г-жа Л.

— Вотъ видите, при какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ я завожу школу! — закончила она свой рассказъ. — Крестьяне почти совсемъ разочаровались въ школѣ. Чтобы сломить ихъ недоверіе и расположить къ школѣ, нужно сразу-же какъ можно лучше вести дело... Пусть они увидятъ, что въ одну зиму мальчикъ, безъ розогъ и безъ битья, можетъ научиться читать, писать, считать, получить кое-какія свѣденія о природѣ, о родной странѣ...

Можно было-бы подумать, что рассказъ г-жи Л. окончательно меня обезкуражитъ и охладитъ, какъ вылитый на меня ушатъ студеной воды, — и заставить меня окончательно и наотрезъ отказаться отъ учительства при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Но — загадочна человеческая душа! — именно этотъ-то рассказъ и побудилъ меня принять сделанное мнѣ предложеніе. Учительство при сказанныхъ условіяхъ являлось уже въ иномъ светѣ, подразумеваемая большія трудности, борьбу, а борьба и бури были мнѣ по душѣ. Мы ударили по рукамъ.

Мнѣ было обещано, что никто не станетъ вмешиваться въ мое дело и не будетъ меня стеснять. Мнѣ давались матеріальныя

средства и *carte blanche* устраивать и вести школу наилучшим образом — согласно моим взглядам и убеждениям. Такая постановка придавала делу в моих глазах еще большую заманчивость, но в то же время и усугубляла мою ответственность. Наибольшую ответственность принимает на себя тот, кто получает наибольшую свободу действия в известной сфере. Оправдать оказанное доверие (с чьей-бы стороны оно ни было дано), не злоупотребить своими полномочиями, воспользоваться наиболее полно предоставленной свободой для общественного блага — не легкая задача.

Устраиваемая школа была отчасти земская, отчасти — частная. Г-жа Л. устраивала ее по своей инициативе в имени отца; она давала землю под школу, помещение, нанимала прислугу и приобретала на свой счет часть школьной обстановки; земство, сколько мне помнится, сделало на свои средства другую часть обстановки и ассигновало 300 руб. в год на содержание учителя. Ремонт школы взяли, кажется, производить сообща земство и г-жа Л. Таким образом, мне было предложено 25 р. в месяц, квартира и прислуга.

Я спросил г-жу Л.: кто будет преподавать в школе Закон Божий?

— Вы-же, конечно! — ответила она.

— Хорошо! — сказал я. — Так я начну с Нового Завета, с Евангелия...

— Кстати, у меня и картины есть из Нового Завета!

Не позже, как через две недели я должен был явиться в школу. Переговоры с г-жей Л. происходили у меня в конце сентября.

Сказано — сделано. Купил я себе книжку Корфа о звуковом методе обучения и другую книжку его-же, кажется, под заглавием «Наш друг». Первую книжку я проштудировал основательно, но «Нашего друга» забраковал и предпочел ему для школы книги Ушинского. Все эти предварительные сообщения, как увидит читатель, оказываются необходимыми для понимания многого из того, что последует далее.

Г-жа Л. раньше отправилась в деревню, поручив мне кое-что закупить для школы. В первой половине октября и я отправился на свое новое поприще деятельности. Проехав несколько станций по Николаевской железной дороге, я вышел из вагона и нанял пару лошадей. Ямщик веселыми возгласами подбадривал коней: «Эх вы, соколики! С горы на горку! Даст барин на водку»... Местность, действительно, была волнистая; ямщик вез хорошо и мог не без основания льстить себя приятными надеждами... Ночью приехали в Б., уездный городок, на ту пору уже спавший крепким, мирным сном. Утром рано я тронулся далее в путь к месту моего назначения в село Б.М., бывшее некогда большой станцией на бойком почтовом тракте, уже давно заброшенном и утратившем всякое значение со времени проведения железных дорог.

II.

М*** оказывалось большим селением. Мы долго ехали по его главной улице, мощеной жердями, миновали почтовое

отделение, завернули за угол, прогремели по мосту и, наконец поднявшись с моста на бугор, очутились перед школой или, вернее, перед домом, предназначенным под школу. Это была с виду довольно хорошая, почти новая, большая изба, приткнутая на юру и предоставленная на произвол всех четырех ветров. Вокруг — ни дерева, ни кустика; старый, дырявый плетень да какие-то жалкие сарайчики — и только. Узким корридормъ изба разделялась на две части: направо от входа — кухня и помещение для сторожихи; рядом — чуланъ, нечто в роде кладовой; налево первая дверь вела в школу, то-есть, собственно в классную, далее дверь — в мою комнату. Комната в два окна, с большой русской печью в углу.

«Жить можно!» решил я про себя, оглянув отведенное мне помещение. Но, как оказалось впоследствии, это помещение имело одно очень большое неудобство, которое, впрочем, в октябре месяце, при теплой осенней погоде, не могло дать себя почувствовать.

Против школы — прямо через дорогу — в глубине двора стоял почтенный, настоящий барский домъ, окруженный с трех сторон примыкавшим к нему обширным тенистым садомъ. В этом-то доме жила основательница школы и ее семья — отец, мать, сестра.

Отец ее был генералъ николаевских временъ, кажется, сослуживецъ Клейнмихеля, — высокй, худой старикъ, полумертвецъ. Незлечимый недугъ буквально, какъ говорится, «приковалъ его к одру». Старикъ проводил свои последние дни или — вернее — годы, не вставая с постели. Жизнь его только

и поддерживалась ежедневными впрыскиваниями морфия. Старшая дочь производила эти впрыскивания, и после них больной оживалъ, избавляясь на время от своих тяжелых страданий.

Мать и обе дочери производили на меня очень приятное впечатление. Между сестрами, впрочем, не было почти ничего общего.

Старшая — сдержанная особа, очень любезная и внимательная к людям, с мягкими, спокойными манерами, с тихим, ровным голосом. Из таких девушек жизнь вырабатывает самоотверженных Антигонъ, добрых, честных женъ, прекрасных матерей семейств. Тихо, но не безследно такие женщины проходят в мире... Младшая-же сестра, С.А. (основательница школы), была ее живым контрастом. Наружность ее была также симпатична, хотя совершенно в другом роде. Худошавая, нервная, с живыми темными глазами... Вся — огонь, пламя; вечно увлекающаяся, еще более старшей сестры готовая на самопожертвование, готовая забыть себя ради идеи, ради общественного блага. Обращение ее было нервное, — то спокойное, тихое, то резкое, порывистое; в голосе ее слышалась нервная дрожь. В загадочной глубине ее выразительных темно-карихъ глазъ было что-то трагическое, что-то роковое, невольно заставлявшее опасаться за нее. Эта молодая девушка не жила, но горела... Многие впоследствии находили, что С.А. кончила печально. Я-же всегда думалъ, что она кончила такъ, какъ должна была кончить, и не было иного исхода для этой натуры — кипучей, страстной и несчастной...

Въ следующие два дня — пятницу и субботу — я устраивалъ свое помещеніе и приводилъ въ порядокъ всю школьную обстановку. Нужно было повесить въ школе висячую лампу, развесить по стенамъ раскрашенныя картины изъ Св. Писанія, изъ русской исторіи и рисунки съ изображеніемъ разныхъ зверей и птицъ. <...>

IV.

Въ принципе никакихъ наказаній въ школе я не допускалъ. Но вышли три случая, которые не могутъ быть названы иначе, какъ наказаніемъ.

Была одна девочка въ числѣ моихъ ученицъ, довольно тупая въ дѣлѣ ученія, но на шалости — большая мастерица. Однажды во время занятій я заметилъ, что ближайшіе соседи этой девицы чѣмъ-то взволнованы, перешептываются, хихикаютъ, заглядываютъ подъ столъ, а та дѣлаетъ имъ какіе-то знаки. Я несколько времени присматривался, ничего не говоря шалунамъ, но присматривался напрасно: ни-какъ не могъ догадаться, въ чѣмъ тутъ было дѣло. Наконецъ, я быстро подошелъ къ девочкѣ и взялъ ее за руку. Въ рукахъ у нея оказался сделанный изъ платка «зайчикъ»... Хотя зайчикъ самъ по себѣ предметъ совершенно невинный, но — несмотря на всю свою невинность — все-таки онъ отвлекалъ отъ дѣла наше вниманіе, отнималъ у меня моихъ учениковъ. На будущее время надо было предупредить повтореніе подобныхъ явленій, не идущихъ къ дѣлу.

— Встань! сказалъ я этой шаловливой девице. — Подними руку, повыше... вотъ такъ! Покажи всемъ своего зайчика! Пускай знаютъ: какая ты рукодельница...

Девочка стояла, выпрямившись во весь ростъ. Зайчикъ заметно дрожалъ въ ея высоко поднятой рукѣ, и на ея, обыкновенно, тупомъ, невыразительномъ лицѣ теперь проступалъ легкій румянецъ. Девочка, повидимому, смутилась подъ сотней устремленныхъ на нее глазъ. Она стояла съ опущенными глазами, понуривъ голову, и ей, очевидно, хотѣлось-бы совсѣмъ сократиться на это время. Пытка длилась не дольше полминуты. Мнѣ стало жаль эту шалунью... Не всегда легко быть строгимъ... После того зайчиковъ въ классѣ уже не появлялось.

Другой непріятный случай.

Мальчикъ уже довольно взрослый, лѣтъ 14, сынъ местного кулака, рассчитывая на безнаказанность въ виду своего привилегированнаго общественнаго положенія, сталъ позволять себѣ въ классѣ разныя шалости и выходки, обращающія на себя вниманіе школьниковъ. Я уже несколько разъ внушительно посматривалъ на него и, въ видѣ предостереженія, говорилъ ему:

— Сиди-же смирно, не мешай намъ! — Успокоится малый на время, а на завтра, какъ ни въ чѣмъ не бывало, снова принимается за свои проделки.

Однажды, когда встретились кое-какія трудности и мнѣ было нужно сосредоточить все вниманіе моихъ учениковъ на томъ, о чѣмъ шла рѣчь, этотъ парень нахальнее обыкновеннаго принялся за свои штуки. Что оставалось дѣлать? Одинъ мешалъ пятидесяти... Будь на его

месте обыкновенный деревенский мальчишка-проказникъ, забывающій о месте и времени, сынъ зауряднаго крестьянина-бедняка, я, вероятно, и на этотъ разъ постарался-бы словами убежденья усмирить его. Но тутъ во всехъ движеніяхъ и позахъ, въ каждомъ взгляде и въ усмешке сказывалось нахальство, ясно говорившее всемъ: «Я и въ школе такъ-же, какъ на улице, делаю все, что хочу... не такъ, какъ вы!»

Взялъ я этого «привилегированнаго» баловня и вытащилъ изъ школы на крыльцо.

— Ты одинъ всемъ мешаешь! — резко сказалъ я ему. — Самъ не хочешь учиться, такъ не учись, а другимъ не мешай! убирайся! И захлопнулъ за нимъ дверь. Парень, повидимому, былъ ошеломленъ...

Подобный поступокъ съ моей стороны, можетъ стать, былъ вовсе не педагогиченъ. Не спорю: учитель более опытный, постарше меня, можетъ быть, действовалъ-бы въ такомъ случае иначе... Но что-жъ делать! Я уже сказалъ, что былъ не подготовленъ къ учительству и несъ на служеніе делу лишь искреннее желаніе быть добросовестнымъ и исполнить дело, какъ могу и какъ съумею лучше.

Черезъ день, сколько помнится, парень опять появился на нашемъ горизонте. Онъ, очевидно, не смелъ войти въ школу, но, мрачный и молчаливый, толкался въ сеняхъ. Я нашелъ его передъ дверьми школы.

— Ты зачемъ здесь? — спросилъ я его. — Отецъ послалъ... — промолвилъ онъ, не глядя на меня.

Отецъ, вероятно, велелъ ему пойти просить у меня прощенья, но мальчуганъ стоялъ молча, какъ истуканъ. Повидимому, ему было трудно попросить извиненья, то-есть, выговорить обычную, заученную фразу. Последнее обстоятельство меня несколько расположило къ нему.

— Ну, ладно! Помиримся на первый разъ... Но если ты не перестанешь мешать намъ, я совсемъ прогоню тебя изъ школы! — Последнія слова я сказалъ твердымъ, решительнымъ тономъ. На несколько времени этотъ шалунъ, действительно, присмирелъ, сталъ даже тише и скромнее прочихъ, но недели черезъ 2, черезъ 3 опять, было, началъ распускать крылышки, но тутъ подошло Рождество.

Третій случай...

Несколько мальчиковъ — человекъ шесть или семь — жили при школе, въ большомъ помещении, предназначенномъ для сторожихи. Эти мальчики были изъ соседнихъ деревень — версты за 3, за 4 отъ нашего селенія, и зимой, въ морозы, имъ было-бы крайне неудобно каждый день странствовать въ школу. Съ моего разрешенія они устроились при школе и ходили домой лишь на воскресенье; они запасались изъ дома хлебомъ, кое-какимъ приваркомъ, и сторожиха готовила имъ обедъ. Однажды вечеромъ, на сонъ грядущій, одинъ изъ этихъ пансіонеровъ развозился съ товарищемъ и, увлекшись, разорвалъ тому шапку. Обидчикъ оказался изъ семьи зажиточной, а потерпевшій — беднякъ. Онъ не жаловался мне, но былъ въ большомъ горе и плакалъ. Единственная шапка —

и теперь стала никуда негодна; не въ чемъ на улицу выйти. А обидчикъ еще подсмеивается: «волосьями, говорить, прикроешься... не что и надо!» Сторожиha на другой день рассказала мне объ этой исторiи. Потерпевшiй мальчуганъ со слезами показаль мне свою растерзанную шапку. Пришлось быть судьей... Не берусь судить, насколько былъ правъ мой судъ, но только могу поручиться, что онъ былъ скоръ и нелицеприятенъ. Изорванную шапку я отдалъ изорвавшему ее («чини или покупай новую!»), а его шапку — тоже довольно поношенную — отдалъ потерпевшему. Темъ дело и кончилось, и никакихъ протестовъ ни откуда не последовало.

Вспоминая темныя тени, невольно вспоминаешь и о свете. Какiя славныя крестьянскiя дети были у меня въ школе!

Помню, напр., одного маленькаго мальчугана. Ему не было еще 8 летъ, и въ школу его приняли лишь по усиленнымъ просьбамъ его матери-вдовы. Онъ сиделъ на первой скамейке, потому что былъ очень малъ ростомъ, — онъ былъ всехъ меньше въ школе. Маленькiй, но довольно коренастый, здоровый, «гладкiй», какъ говорится, съ круглымъ личикомъ, съ большими голубыми глазами, открытыми и доверчивыми, и съ густыми-густыми, льняного цвѣта волосами, нависшими надо лбомъ, — этотъ мальчикъ мне очень нравился, и я любилъ смотреть на его милую белокурую головку. За его неуклюжесть я звалъ его «медвежонкомъ». Иногда въ деле ученья онъ не поспевалъ за своими взрослыми товарищами, и мне порой приходилось останавливаться съ нимъ и помогать ему. Но по своимъ годамъ онъ былъ довольно развитъ, даже развитее многихъ изъ его товарищей.

Въ своихъ воспоминанiяхъ я съ какимъ-то необыкновенно тихимъ, отраднымъ чувствомъ ос-

танавливаюсь на этомъ «медвежонке», и еще на одной темноглазой девочке, Маше, — смуглой, высокой и худенькой; вотъ то-же было милое, прекрасное создание, — натура нежная, жалостливая, отзывчивая. И «старый сельскiй учитель» — черезъ 20 долгихъ летъ — теперь вспоминаетъ о нихъ и раздумываетъ: что-то случилось съ ними? Живы-ли они? А если живы, то какова судьба пала на ихъ долю?

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что изъ всехъ школьниковъ только эти двое, мальчикъ и девочка, были хорошими, добрыми существами и остались въ моей памяти! Вовсе, нѣтъ! Вся моя маленькая публика (за весьма незначительными исключениями) была — для меня, по крайней мере — крайне симпатичной. И знаете, читатель: съ этими крестьянскими детьми я чувствовалъ себя лучше, легче, чѣмъ съ избалованными, капризными детьми богатыхъ семействъ. Крестьянскiя дети въ общемъ оказывались несомненно умнее, серьезнее этихъ детей (техъ, съ какими мне приходилось сталкиваться на своемъ веку — въ городахъ и въ помещичьихъ усадьбахъ). Правда, крестьянскiя дети, какихъ я знавалъ, не умели «шаркать ножкой», делать «смехотворные реверансы» и т. под., но въ нихъ было больше деликатности, чѣмъ въ детяхъ «приседавшихъ» и «шаркавшихъ ножкой»...

Съ соседями школа моя жила въ мире и любви.

Только еще на первыхъ порахъ, осенью, у моей маленькой публики вышло

некоторое недоразумение со становихой изъ-за индюка; это недоразумение могло, пожалуй, повлечь за собой последствия, весьма неприятныя для шкуръ моихъ учениковъ, но, къ счастью, все разрешилось благополучно.

Дело въ томъ, что рядомъ со школой находилась квартира становаго пристава (значить, «особы» — въ известномъ смысле); школьныя владения разграничивались отъ соседняго двора плохонькимъ, старымъ плетнемъ. Становиха была любительница всякой птицы, и между прочимъ, водилось у нея изрядное стадо индеекъ. Моимъ шалунамъ нравилось, когда индейскій петухъ со всей своей индюшечной важною распускалъ хвостъ и крылья и, размахивая своимъ великолепнымъ, красносизымъ наростомъ, начиналъ все пуще и пуще бормотать и волноваться. Мальчуганы, какъ только, бывало, урвутся изъ школы, сейчасъ и примутся всячески дразнить его изъ-за плетня. А тотъ, бедняга, реветъ, надрывается, индюшки тоже начинаютъ усиленнее клектать, а мальчуганы и рады — и въ упоеніи чувствъ гогочутъ, гикаютъ и свищутъ. Однимъ словомъ, поднимался сѣдомъ въ маломъ виде. Комната моя находилась далеко отъ места этихъ подвиговъ, и о дразненіи индюка я ничего не зналъ до техъ поръ, пока становихина кухарка, весьма почтенная старуха, не пришла ко мне и не попросила унять шалуновъ.

— Индюкъ, того и гляди, надорвется, еще заболѣетъ, пожалуй! Нешто это — порядки... дразнить чужую птицу! — разсудительно говорила мне старуха.

Я согласился съ темъ, что это, действительно, не порядки.

— Ну, вотъ то-то и есть! Ты, батюшка, своихъ атамановъ-молодцовъ не распускай, — а то ведь отъ этой вольницы житья никому не станеть! Озорной здѣсь народъ... что и говорить! — шамкала старуха.

— Усмирю, усмирю, бабушка! Иди съ миромъ! — успокоивалъ я старушку.

Я сказалъ школьникамъ, что индюкъ — птица смирная, безобидная, что нехорошо дразнить и обижать его, когда онъ никакого худа имъ не сделалъ. Этимъ инцидентъ съ индюкомъ и былъ окончательно исчерпанъ. Дразненье индюка прекратилось, и лишь иногда изредка кое-кто изъ «непримиримыхъ» ироническимъ тономъ покрикивалъ по адресу тѣснѣйшей птицы: «Хо-рошъ! хорошъ!» и вполголоса передразнивалъ ея бормотанье...

Вышелъ и еще одинъ случай — одна изъ техъ неприятностей, отъ которыхъ въ жизни ни за что не убережешься, какъ ни хлопочи.

Приближался храмовой праздникъ въ томъ приходе, къ которому принадлежало наше селеніе. Храмовой праздникъ — значить пивной день, день пьянства, гульбы и дракъ. Еще задолго до этого многозначительнаго дня ребята мои стали поговаривать о томъ, что у нихъ «праздничаютъ» три дня. Я тогда-же имъ заявилъ и накануне праздника повторилъ, что я буду праздничать только одинъ день, что на другой-же день после праздника школа будетъ открыта, и я стану заниматься, хотя-бы пришли только трое или двое.

Вотъ на Рождество имъ будетъ данъ большой отдыхъ, а теперь достаточно и одного дня (Я и не воображалъ тогда: какъ окажется продолжительнъ ихъ святочный отдыхъ!).

На другой день праздника половина учениковъ явилась въ школу; на следующий день не хватило человекъ десяти. Отмечу при этомъ, какъ интересный фактъ, то обстоятельство, что въ первый и на второй день не являлись въ школу исключительно мальчики, девочки-же въ оба дня были все налицо.

Черезъ день или черезъ два после праздника, — въ точности теперь не помню, — во время занятій ввалился въ школу причетникъ, бывший сильно навеселе, и шибко заплетаящимся языкомъ, съ трудомъ не малымъ, кое-какъ довелъ до моего сведенія, что батюшка остался въ избе такого-то (имя рекъ) и послалъ его узнать: можетъ-ли онъ придти въ школу «пославить». За мною уже слышались сдержанные хихиканья и шопотъ... Я чувствовалъ: еще одна минута, — и ученики мои придутъ въ весьма игривое настроеніе духа, а тогда занятія наши — «прости-прощай!» Я думалъ: сегодня уже не праздникъ, а будни, — идутъ занятія въ школе... А съ другой стороны: священникъ, весьма можетъ быть, и совершенно трезвъ, но ведь и появленіе «со славой» одного пьянаго причетника представится уже немалымъ соблазномъ для ребятъ. Я поспешилъ объявить вестнику, что теперь принять не могу.

V.

Иные, я слыхалъ, жалуются на то, что занятія и жизнь сельскаго учителя крайне монотонны. Самъ человекъ придаетъ своимъ занятіямъ тотъ или другой характеръ, самъ складываетъ жизнь,

даетъ ей смыслъ и значеніе. Человекъ на отмежеванномъ ему судьбой клочке земли можетъ или посеять пшеницу, или развести тернія и плевелы... Самую отчаянную монотонность человекъ можетъ превратить въ самое живое разнообразіе. Средства для такового превращенія у человека всегда подъ рукой: они главнымъ образомъ въ немъ самомъ, а затемъ уже въ окружающей его среде.

При добромъ желаніи, при стараніяхъ и энергіи каждое действительно полезное дело можно сделать живымъ и разнообразнымъ. Стоитъ только перестать относиться къ міру съ чиновничьей точки зренія и сознать себя общественнымъ работникомъ.

Представлю здѣсь краткій, сжатый очеркъ моего времяпрепровожденія.

Съ 9 часовъ утра начинались занятія въ школе; въ 12 я завтракалъ и урывками читалъ газету; съ 1 часу до 4 продолжались занятія въ школе. Въ 4 часа я обедалъ, съ книгой по одну сторону прибора, ибо повторяю: я могъ находить время для чтенія лишь урывками. После 5 ко мне приходили за книгами деревенскіе грамотеи — взрослые крестьяне и парни, изъ нашего селенія и изъ соседнихъ деревень. Такихъ читателей у меня было около трехъ десятковъ.

Всего охотнее, помню, читались: чья-то книга «О грозе», «О деньгахъ», «Откуда пошла русская земля» (можетъ быть, заглавіе было какъ-нибудь иначе), «Годъ на севере» С. В. Максимова и другія

книги того-же автора, рассказы А. И. Левитова, «Безоброчный» Нефедова, «Батрачка» Бельскаго, стихотворения Никитина, Кольцова.

Книгъ у насъ было немного — заглавій до 200, то-есть, 300 экземпляровъ съ чемъ-то, но я надеялся съ каждымъ годомъ расширять библиотеку.

Библиотека при сельской школе составляетъ насущную интеллектуальную потребность деревенской жизни. Где-же и быть деревенской публичной библиотеке, какъ не при школе? Не устраивать-же ее при волостномъ правлении, где никто не въ состоянii дать объяснений и указаний, иногда настоятельно требуемыхъ читателями. Библиотека можетъ и должна служить постоянно связью между учителемъ и деревней, между школой и бывшими ея учениками. Школа съ библиотекой должна быть центромъ умственной жизни деревни — такимъ местомъ, куда каждый крестьянинъ и крестьянка, старый и малый, богатый и бедный могли-бы обращаться съ запросами по поводу разрешенія всякихъ недоразумений.

Ныне школа стоитъ особнякомъ отъ деревни и на все лето — то-есть, на треть года, если не более — порываетъ съ деревней и последнюю связь. Ныне мальчикъ, по окончаніи курса уходя изъ школы, забываетъ и дорогу къ ней. Этого не должно быть въ интересахъ народного просвещенія. Ныне деревенскій паренъ, кончившій курсъ въ школе, не находя порядочныхъ, полезныхъ книгъ для чтенія, за неименіемъ библиотеки, и не находя возможности покупать ихъ, долженъ поневоле ограничиваться всякою случайно попавшею ему въ руки печатною дрянью — иногда про-

сто глупою книжонкой въ роде, напр., «Проказницы Нади», а иногда книжонкой и безусловно вредной, или — же долженъ оставаться вовсе безъ книгъ (Не должно упускать изъ виду, что ныне, съ успехами типографскаго дела, «печатная дрянь» широкимъ, мутнымъ потокомъ заливаетъ книжный рынокъ, такъ что дешевыя, но ценныя по существу изданія совершенно тонуть въ этомъ грязномъ омуте: на одну порядочную книжку приходится до полусотни такихъ книгъ, которыя стоитъ лишь швырнуть въ печь).

Вследствіе вышеуказанныхъ обстоятельствъ и происходятъ печальныя явленія рецидивизма безграмотности. Для того, чтобы школа до конца доводила свое благое дело, необходимо нужно имѣть ей при себе библиотеку*.

Выдача книгъ и разговоры по поводу ихъ занимали иногда часть времени, — случилось меньше, случилось и больше. Затемъ, я обдумывалъ порядокъ занятій на завтра, вносилъ заметки въ свой журналъ, писалъ письма и — если оставалось время — читалъ. Иногда вечеромъ я ходилъ въ «большой домъ», навещалъ своихъ хозяевъ; иногда-же ко мне приходилъ какой-нибудь крестьянинъ, а то и несколько человекъ заразъ. Сторожиха ставила самоваръ, и мы за чашками чая иной разъ до поздней ночи гуторили о томъ, о семъ: я рассказывалъ о городе, о городской жизни и о жизни

* Пишущій эти строки намеренъ въ непродолжительномъ времени представить по этому вопросу докладъ въ С.-Петербургскій Комитетъ грамотности.

въ дальнихъ иностранныхъ краяхъ; собеседники мои говорили мне о своихъ деревенскихъ делахъ, толковали иной разъ о школе.

Въ то-же время, то-есть, когда я былъ сельскимъ учителемъ, мною были набросаны начальныя главы моего перваго романа (впрочемъ, эту работу мне удавалось заниматься только ночью). Кстати: первоначальное заглавіе романа («Печать антихриста») было, признаться, довольно вычурное, хотя и соответствовавшее, въ известномъ смысле, содержанию романа. Весной 1874 года, въ одно изъ свиданій со мной, покойный М. Е. Салтыковъ сказалъ мне:

— Я-бы думалъ переменить заглавіе... Назвать-бы, напримеръ, «Летопись села Смурина»...

— «Летопись села Горохина!» — напомнилъ я ему.

— Да!... — согласился онъ и, подумавъ, сказалъ: — Ну, такъ назовемъ: «Хроника»...

На томъ мы и порешили.

Окружавшее въ ту пору дало мне матеріалъ для созданія некоторыхъ образовъ и сценъ въ этомъ первомъ моемъ романе; отчасти также матеріалъ дали мне для этого романа кузнечныя артели, съ которыми я ознакомился въ начале-же 70-хъ годовъ, во время моихъ странствованій по Тверской губерніи для изученія артельного дела вообще...

Съ декабря месяца, какъ уже сказано, по воскресеньямъ и четвергамъ открылись у меня въ школе вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ. По воскресеньямъ утромъ, кроме того, ко мне являлись съ просьбами написать «пись-

мечко». До моего приезда, конечно, былъ-же у нихъ кто-нибудь, писавшій имъ письма, но этотъ писатель, вероятно, собиралъ съ нихъ за свое писанье копеечки или бралъ натурой. Я-же, разумеется, могъ оказывать имъ эти услуги бесплатно и безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ день былъ праздничный и время свободное. Диктовавшіе мне письма волей-неволей должны были иногда посвящать меня въ разныя более или менее интимныя стороны своей семейной жизни. Меня просили «никому не сказывать», и я, такимъ образомъ, являлся какъ-бы въ роли носителя чужихъ маленькихъ тайнъ, впрочемъ, интересныхъ более лишь для техъ, кто хранилъ ихъ за «тайну».

Все эти обстоятельства ставили меня близко къ народу. На меня не смотрели, какъ на барина, на чиновника, но считали своимъ человекомъ, готовымъ со всякимъ и побеседовать по душе, и оказать услугу, и поучить кое-чему. Занять такое положеніе для сельскаго учителя — весьма важно. Но нужно знать границу, до которой можно браться или, какъ говорится, «сливаться» съ народомъ. Нельзя идти вместе съ народомъ, когда онъ, напр., пьянствуетъ и сквернословить, когда собирается мазать у соседей ворота дегтемъ, когда во время падежа скота заставляетъ бабъ ночью въ однехъ рубахахъ «опахивать» деревню, или когда онъ собирается жечь «колдунью» или убивать конокрада...

Я съ крестьянами держался совершенно запросто, какъ съ родней, пилъ съ ними

чай, делил хлеб-соль, беседовал с ними, решительно, обо всем, о чем они со мной ни заговаривали, но водки с ними не пил и ругательства обрывал на полуслове. И крестьяне скоро узнали, что я водки не пью и пьяных не терплю, а поэтому пьяные ко мне и не показывались; только как-то в праздник крестьяне однажды подхмельком заходили ко мне — звать меня к себе в гости.

Впрочем, такое мое отношение к водке и к пьяным не произвело ни малейшего охлаждения между мной и крестьянами, а со стороны женщин даже снискало мне самое горячее одобрение и похвалы. Ведь и между крестьянами не все-же пьют и сквернословят, и за то односельчане хуже не относятся к ним. Строгостью жизни, ригоризмом не оттолкнешь от себя крестьянина; отталкивает его посматривание на него свысока, желание морализировать, читать ему проповедь, — одним словом, народ не может лишь терпеть ханжей и лицемеров и чутьем быстро угадывает Тартюфа, под каким-бы костюмом он ни прятался...

Бывали и такие случаи, когда крестьяне приглашали меня на сходки, в качестве как-бы эксперта, истолкователя по тому или другому вопросу. Такое приглашение служило доказательством высшего доверия, какое только крестьяне могли оказать человеку, не принадлежащему к крестьянскому миру.

Помню живо первый такой случай из моей практики. Сходка собиралась вечером в избе одного из «стариков», которому, впрочем, как часто случается, было не более

45—46 лет («Стариками» называются хорошие, добропорядочные домохозяева, — старые из них или молодые, богатые или бедные — все равно. В иных местностях «стариками» звали прежде сельских судей). За мной зашли два крестьянина. С минуту я колебался: идти или нет? Могу-ли я быть на крестьянской сходке и говорить — хотя-бы только с правом совещательного голоса? Нравственное право было за мной; мне даже казалось советственно не пойти на такой зов... И я пошла...

Замечательно: как иногда ярко запечатлевается в памяти какая-нибудь отдельная сцена, картинка, выхваченная из ряда дней серой, обыденной жизни!

Как теперь вижу: был ясный, морозный зимний вечер. В избах кое-где мерцали красные огоньки. Я шла по опустелой, безмолвной деревенской улице, залитой на ту пору серебристым, лунным светом. Снег скрипел под ногами, искрился, блестел; искрились и блестили при сиянии месяца деревья, опушенные инеем. Ярко сияли звезды в далекой синеве небес над безмолвным селением, занесенным снегом, над безмолвными полями, задернутыми снежной пеленой, искрившейся в месячных лучах... Избы казались совсем темными, и густая, черная тень ложилась от них на одну сторону дороги.

Я шла молча; молча, шли рядом со мной мои провожатые — дюжие, рослые молодцы, с разбойничьими физиономиями, нравом кроткие и смиренные,

какъ агнцы. Мне, помню, тогда еще подумалось: «Мы — точно заговорщики!»

Когда мы пришли, въ избе уже стонъ стоялъ, — и въ синеватомъ дыме махорки виднелись раскрасневшіяся лица, оживленіемъ блестящіе глаза, и явственно слышались лишь отрывочныя восклицанія. Жестяная, небольшая лампочка съ закоптелымъ стекломъ стояла на столе и мутнымъ, красноватымъ светомъ озаряла распахнутые азямы, красныя и синія пестрядинныя рубахи, головы со всклокоченными волосами, большія густыя бороды... далее — закоптелыя, черныя бревенчатыя стены, палаты и съ палатей свесившіяся белокурыя детскія головы.

Въ дальнемъ углу избы сидела очень древняя старуха, все что-то бормотала себе подъ носъ, охала и зевала. Неподалеку отъ нея молодая женщина пряла, качая ногой колыбель, задернутую рванымъ пологомъ.

Сходка собралась для того, чтобы привести въ известность: много-ли крестьяне переплатили лишняго оброку своему бывшему помещику. Надо было сделать учетъ, такъ какъ при сборе оброку вообще вышли какія-то недоразуменія, надо было составить приговоръ и написать барину письмо «міромъ» — то-есть, въ виде коллективнаго заявленія... Сходка затянулась до поздней ночи, но все-таки письмо написали, приговоръ составили, и староста приложилъ къ нему печать.

Люди, не посвященные во все подробности крестьянскихъ дель, люди даже — прямо сказать — мало знакомые съ укладомъ народной жизни, принимаясь описывать крестьянскую сходку, изображаютъ ее въ виде беснующейся зря, бушующей толпы. Подобные наблюдатели, конечно, не въ состояніи уловить общаго смыс-

ла речей, часто перекрещивающихся между собой: они не знаютъ подробностей дела, и общій смыслъ ускользаетъ отъ нихъ. Наблюдатель видитъ только, что люди целыя часы топчутся на одномъ месте, кричатъ, шумятъ, какъ будто даже ругаются, хватаютъ другъ друга за руку, за плечо, то на минуту стихаютъ, то вдругъ съ удвоенной яростью начинаютъ кричать и жестикулировать. Члены сходки понимаютъ каждый намекъ, понимаютъ одинъ другого съ полуслова, а наблюдателю, не разумеющему этихъ намековъ и полусловъ, начинаетъ казаться, что люди какъ будто говорятъ на какомъ-то тарабарскомъ, непонятномъ для него языке.

И вотъ, посторонній наблюдатель заноситъ въ свою тетрадь впечатленіе, произведенное на него крестьянской сходкой: «Столпотвореніе Вавилонское! Шумятъ, галдятъ, другъ друга не слушаютъ, перебиваютъ. Не видаль ничего безобразнее крестьянскаго схода!» Благодаря такимъ наблюдателямъ-верхоглядамъ, въ известной среде образованнаго общества и слагается такое мнѣніе, что наши крестьянскіе сходы — нечто въ высшей степени безтолковое и сумбурное... Замечу только, что я никогда не слыхалъ, чтобы крестьянскій сходъ когда-нибудь закончился рукопашной свалкой.

А затемъ — въ виде параллели — я напому о томъ: какъ иногда ведутъ себя интеллигентные люди, когда речь заходить о какомъ-нибудь животрепещущемъ вопросе, о жгучемъ вопросе, близко касающемся интересовъ той или другой

общественной группы, — я напомним: какъ эти благовоспитанные, просвѣщенные гражда- не ведутъ себя иногда во время преній въ своихъ кружкахъ, въ собраніяхъ обществъ — ученыхъ и иныхъ, въ земскихъ собраніяхъ, въ собраніяхъ городскихъ думъ, наконецъ, въ парламентахъ, где таковыя име- ются (въ такихъ, напримеръ, какъ англійскій — старейшее и самое почтенное изъ народныхъ собраній, или какъ фран- цузскій), куда страна (въ принципе, по край- ней мере) посылаетъ весь цвѣтъ и блескъ своей интеллигенціи и где темъ не менее ми- нистры, для вразумленія своихъ собратьевъ по собранію, представителей народа, не нахо- дятъ более убедительныхъ доводовъ, какъ по- щечины и подзатыльники...

Не станемъ-же лучше, читатель, и заикаться о безобразіи и безтолковости нашихъ крестьянскихъ сходовъ!

Какъ видитъ читатель, я не могъ пожаловать- ся на монотонность моего существованія: жизнь моя была полна интереса и самаго раз- нообразнаго содержанія. Допустимъ, мое по- ложеніе — въ роли сельскаго учителя — бы- ло несколько исключительное. Я пришелъ въ школу уже въ то время, когда зналъ де- ревню, когда народъ со всемъ его складомъ духовной и внешней жизни, съ его взглядами и міровоззрѣніемъ, съ его нуждами и потреб- ностями, съ его радостями и горемъ не былъ для меня темъ таинственнымъ незнакомцемъ, какимъ онъ былъ и остался для многихъ мо- ихъ сверстниковъ и коллегъ.

Иные кичатся знаніемъ народа, выставляютъ это знаніе какъ-бы заслугу, какъ нѣкій па- тентъ на полученіе какихъ-то особенныхъ

привилегій при собесѣдованіи о томъ или другомъ вопросе изъ народной жизни. Для меня-же знаніе народа было совершенно естественнымъ послѣдствіемъ всей моей из- вѣстнымъ образомъ сложившейся жизни. Я никогда не поставлялъ себе задачей изу- ченіе народа, никогда я не смотрѣлъ на на- родъ, какъ на объектъ, подлежащій изсле- дованію, никогда я не подходилъ къ наро- ду съ заранее выработанной программой «для собиранія свѣдѣній», но я былъ-бы совсемъ неумнымъ человекомъ, если-бы не узналъ народа, цѣлые годы — съ ран- няго детства — живя съ нимъ вместе. Я никогда не смотрѣлъ на людей изъ на- рода, какъ на какихъ-нибудь замечатель- ныхъ козявокъ, которыя нужно рассматри- вать чуть не подъ микроскопомъ, а затемъ, уехавъ въ Москву или въ Петербургъ, пи- сать въ журналахъ по поводу ихъ глубоко- мысленные трактаты или весьма легкомы- сленные повести и рассказы. Мне всегда казалось странно, когда иной исследователь открывалъ Америку, бывшую до той поры неизвѣстной лишь ему и расположеннымъ къ нему критикамъ.

Конечно, я не всегда сидѣлъ съ народомъ на трехногой скамье, въ курной хатѣ, не питался хлебомъ изъ лебеды или изъ ильмовой коры, но темъ не менее съ ма- лыхъ летъ я сживалъ съ нимъ и въ кур- ной избѣ, и въ овинѣ у дотлевавшей теп- лицы, спалъ съ нимъ въ степи и въ лесу у разведеннаго костра, ночевалъ съ нимъ и въ землянкахъ на берегу Волги, елъ и «лебедовый» хлебъ и знаю вообще вкусъ той пищи, какую онъ естъ, на опы- те знаю всю тяжесть его работъ въ лесу и

на поле — во все времена года. Съ малыхъ, детскихъ летъ я жилъ среди народа, узналъ его и полюбилъ, узналъ его слабость и мощь, — однимъ словомъ, узналъ его на столько, на сколько возможно узнать его человеку, по своему общественному положению, стоящему вне крестьянской среды.

Такъ, положеніе мое въ роли учителя было несколько исключительное, вследствие моего близкаго знакомства съ деревней. Но — мне думается — и каждый сельскій учитель при добромъ желаніи — если не вдругъ, то мало-помалу можетъ занять въ среде деревенскаго населенія такое-же положеніе, какое удалось завоевать мне.

VI.

Зима въ тотъ годъ встала рано: съ половины ноября затрещали морозы. Тутъ-то одно изъ неудобствъ школьнаго зданія и дало себя почувствовать. Оказалось, что полы были не склочены, на чердакъ земли не наношено, отъ оконъ дуло. Напрасно я топилъ свою большую русскую печь, напрасно я жарилъ ее; стужа была страшная... Ребята въ школе сидели въ шубахъ и въ полушубкахъ, я дрогъ въ своемъ пледѣ. Въ это время я простудился; заболели зубы и не давали мне покоя ни днемъ, ни ночью. Недели две я чувствовалъ себя совсемъ несчастнымъ человекомъ.

Въ половине декабря С.А., на возвратномъ пути изъ Петербурга, заезжала въ нашъ уездный городъ и вечеромъ-же въ день своего приезда, придя ко мне въ школу, заявила, что я оставаться учителемъ не могу... Приближались святки, и было условлено, что дня за три до Рождества я распушу учениковъ на праздникъ и объявлю, что уезжаю въ Петербургъ.

Пришлось укладывать свои малые пожитки и собираться въ путь: всю жизнь, кажется, мне только и приходилось распаковывать и запаковывать свой чемоданъ и собираться въ путь. Я такъ привыкъ къ тому, чтобы судьба перебрасывала меня изъ угла въ уголь, не давая мне покоя въ семь міре, что мне даже кажется страннымъ, когда приходится прожить месяцевъ 6—8 на одномъ месте.

На этотъ разъ, признаться, съ грустью оставлялъ я школу. Я уже по привыкъ къ делу, началъ сживаться съ людьми, успелъ привязаться къ своимъ ученикамъ, полюбить ихъ, да и они уже успели по привыкнуть ко мне. Кто заменитъ меня? Добрый-ли то будетъ человекъ? сумеетъ-ли онъ любовь къ идее слить съ гуманностью, съ нежнымъ, участливымъ отношеніемъ, необходимымъ для живой, впечатлительной детской натуры такъ-же, какъ необходимы тепло и светъ для распускающагося цветка? Легко заставить ребенка спрятаться отъ насъ, уйти въ самого себя и, словно за семью печатями, скрыть отъ насъ свою душу...

Тяжело видеть, когда хорошо начатое дело ускользаетъ отъ насъ въ другія руки и гибнетъ. Конечно, тяжело бываетъ и тогда, когда дело рушится, находясь у насъ въ рукахъ, но въ последнемъ случае некоторымъ утешеніемъ служить, по крайней мере, то обстоятельство, что человекъ можетъ и самъ пасть и погибнуть подъ развалинами рухнушаго зданія, — такъ-же точно, какъ знаменосцу легче умереть со знаменемъ въ руке, нежели, умирая, видеть знамя

въ рукахъ непріятеля... Съ такими горькими думами собирався я въ путь.

Слухи и безъ помощи газетъ разносятся быстро; слухи, какъ известно, иногда какимъ-то страннымъ, таинственнымъ образомъ даже предупреждаютъ имеющій совершиться фактъ. Такъ, напр., иногда появляются известія о смерти известнаго человека еще за несколько дней до его кончины (такъ было, помнится, съ покойнымъ папой Піємъ IX), — более мелкихъ фактовъ каждый изъ насъ могъ-бы не мало привести изъ своей практики.

Стали похаживать ко мне мои ребятишки и крестьяне. Спрашивали: правда-ли, что я уезжаю въ Петербургъ? Не желая никого морочить, я прямо говорилъ, что уезжаю и уже не возвращусь. Вопросы следовали далее и нужны были объясненія.

Оставляя школу, я вывелъ одно, по моему мненію, весьма важное и отрадное заключеніе: изъ числа людей, не принадлежащихъ къ крестьянству, но живущихъ въ деревне, сельскому учителю всего легче (и всего естественнее) сделаться человекомъ самымъ близкимъ и вліятельнымъ по отношенію къ деревенскому міру. Вопросъ лишь въ степени умственной и нравственнаго развитія учителя, въ его взгляде на его права и обязанности, въ его міросозерцаніи. Только одинъ священникъ могъ-бы соперничать съ учителемъ въ этомъ отношеніи, но священникъ, какъ известно, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ матеріалистическаго свойства, иногда, къ сожаленію, встаетъ въ весьма натянутыя отношенія къ крестьянамъ. Учитель-же въ матеріальномъ отношеніи поставленъ въ более независимыя условія.

Накануне отъезда, после урока, на прощаньи я разсказалъ притчу объ умиравшемъ старике, объ его сыновьяхъ и о венике, — и убеждалъ моихъ учениковъ жить дружно, мирно и любовно; поддерживать другъ друга, не выдавать въ беде... Въ послѣдній разъ погладилъ я маленькаго Ваню по его льянымъ волосамъ, наскоро простился съ учениками, сказалъ имъ въ утешеніе, что безъ учителя они не останутся, и ушелъ изъ класса — съ темъ, чтобы уже не возвращаться въ него.

На этотъ разъ тихо, безъ шума, безъ обычныхъ возгласовъ и криковъ: «Прощайте! Прощайте, П. В.! До свиданья! До утречка!»... разошлись мои ребята изъ школы, но долго еще топтались они въ сѣняхъ, какъ будто о чемъ-то совещаясь, прежде, чѣмъ разбрелись по домамъ.

Я просилъ ямщика пріѣхать за мной въ 7 часовъ утра, еще до разсвѣта: мне хотелось уехать изъ М. пораньше, пока деревня еще спала. Ночь я провелъ плохо (а если-бы мне было дано знать будущее мною оставляемой школы, ночь я провелъ-бы еще хуже); поднялся я въ 5 часовъ, напился чаю и, перекинувъ черезъ плечо свою дорожную сумочку, уселся на чемоданъ въ ожиданіи лошадей. Въ восьмомъ часу подкатилъ ямщикъ — одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ.

На небе еще чуть брезжилъ разсвѣтъ. Когда я вышелъ на крыльцо, сердце мое ёкнуло и забилося шибко-шибко... При светѣ передутреннихъ сумерекъ я увидалъ

около саней толпу школьниковъ, десятка два-три, мальчиковъ и девочекъ.

50 летъ въ міровой исторіи — одинъ моментъ; въ жизни-же человеческой 50 летъ — большое время. 50 летъ прожить — не поле пройти за сохою. Всего бывало на моемъ веку: переживалъ я, какъ и всякій минуты радости и горя, минуты унынія и минуты торжества, но редко въ теченіе этихъ 50 летъ я бывалъ такъ глубоко растроганъ, какъ въ эти серія, передразветныя сумерки декабрьскаго дня.

Мне было больно, было жаль этихъ малютокъ... Ведь я уже зналъ, что более не возвращусь къ нимъ никогда. Безъ меня они вырастутъ, безъ меня судьба разбросаетъ ихъ на разныя стези жизни. Иной изъ нихъ станетъ пахать дедовскую ниву, иной уйдетъ на чужую сторону и потонетъ въ городскомъ омуте; иному, можетъ быть, предстоитъ светлая доля, иному — тяжкій крестъ до могилы. Я уже зналъ, что жизнь наша — рядъ свиданій и разлукъ, — а все-жъ мне было горько въ те минуты... Въ то-же время мне было и отрадно сознавать, что эти малютки не забудутъ меня и, очевидно, не станутъ поминать меня лихомъ. Кто ихъ созвалъ къ школе ни светъ, ни заря? Не по приказу, не по чьему-нибудь науще-

нью — «ломать комедію», но сами, по доброй воле собрались эти крестьянскіе ребята проститься еще разъ со своимъ учителемъ... Добровольно. Вотъ что было дорого и такъ растрогало меня.

— Пріезжайте, П.В.! — плаксиво говорили они. — Возвращайтесь къ намъ!..

Я разцеловалъ ихъ...

Пара бойкихъ коней уносила меня въ даль отъ моей школы. Колокольчикъ гуделъ подъ дугой. По сторонамъ разстилались белоснежныя поляны, темнели леса, — и было все тихо, безмолвно вокругъ.

На востоке, где осталась моя школа, на горизонте уже светлела полоса, разгоравшаяся съ минуты на минуту красноватымъ светомъ, а тамъ на западе, куда я держалъ путь, передразветными тенями, какъ темно-синимъ туманомъ, была задернута даль — такъ-же, какъ и мое будущее, ожидавшее меня тамъ, въ этой темно-синей дали...

Рубрика подготовлена совместно с ИЦ РАО «Библиотека имени К. Д. Ушинского».

